

действий⁷. Действующее же уголовно-процессуальное законодательство в части 2 статьи 159 УПК РФ устанавливает, что ходатайство защитника о проведении дополнительных следственных действий подлежит удовлетворению лишь в случаях, «если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для уголовного дела», что, на наш взгляд, не в полной мере соответствует состязательным началам уголовного судопроизводства.

Примечания

¹ Давлетов А. Право защитника собирать доказательства // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 50.

² Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 303.

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. С. 78.

⁶ См.: Мельников И.И. Актуальные вопросы сбора доказательств защитником по делам о преступлениях против военной службы // Российская газета. 2004. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Шейфер С.А. Указ. соч. С. 81.

*Р.В. Корсун**

О ПРЕДМЕТЕ ПОЗНАНИЯ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В теории уголовного процесса многие ученые полагают, что уголовно-процессуальное доказывание является особой разновидностью познания вообще¹, так как в основе познания человека окружающего мира лежат общие закономерности, присущие познавательной деятельности во всех областях теории и практики (в том числе и в уголовном процессе). Эти закономерности имеют единую методологическую основу — теорию познания (гносеологию) — раздел философии, изучающий природу познания и его возможности, отношение знания к реальности и т. д.² Такой взгляд

* © Корсун Р.В., 2012

Корсун Роман Викторович — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

основан на том, что законы (принципы) познания имеют всеобщее значение, а следовательно, распространяются и на познание в уголовном процессе, т.е. на доказывание. Так, Р.В. Костенко выделяет такие значимые для доказывания важнейшие принципы гносеологии, как принцип отражения, принцип деятельности и принцип развития. Принцип отражения для уголовно-процессуального доказывания важен с точки зрения реальной возможности установить все обстоятельства, имеющие значение по уголовному делу, с помощью информации, сохранившейся на следах в предметах материального мира и в сознании людей. Принцип деятельности указывает на то, что уголовно-процессуальное доказывание существует как специфическая человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры. Принцип развития позволяет рассматривать уголовно-процессуальное доказывание как переход от неизвестного к известному, переход от незнания к знанию³.

Следует согласиться с учеными, полагающими, что уголовно-процессуальное познание — разновидность специального познания (как, например, врачебная диагностика, метеорологическая служба и т. д.), и оно занимает промежуточное положение между научным и обыденным (бытовым) познанием⁴, от которых отличается своей регламентированностью, задачами, предметом, способами и формами осуществления⁵.

Тем не менее в науке все же делаются попытки прямо противопоставить познание доказыванию либо разграничить познание и доказывание по объему получаемой информации.

Так, некоторые исследователи считают, что доказывание не тождественно познанию: по их мнению, сначала осуществляется познание, а потом доказывание⁶. В данном случае познание и доказывание разграничиваются по временному признаку. В соответствии с данной точкой зрения познание и доказывание существуют параллельно друг другу, и они качественно отличаются друг от друга. Познание как бы выводится из процессуального доказывания. Согласно представлениям этих ученых, когда следователь собирает доказательства, он не осуществляет доказывания, он лишь познает. Элементы же доказывания обнаруживаются при составлении итоговых процессуальных актов — обвинительного заключения, постановления о прекращении дела. При данном подходе происходит отделение практических операций по собиранию и

проверке доказательств и мыслительной деятельности субъекта. Но в теории познания принято считать, что данные операции неразделимы, оба эти вида деятельности представляют собой лишь разные стороны единого процесса познания. Познание представляет собой сочетание реальных и мыслительных операций с постоянным переходом практических действий в сферу мышления и обратно, при дублировании одного другим⁷. Следовательно, познание не предшествует обоснованию вывода, а включает его в себя, хотя на отдельных этапах познавательного процесса извлечение знаний и обоснование их правильности имеет разный — больший или меньший — удельный вес. Так, при формировании конечных выводов — составлении обвинительного заключения, произнесении обвинительной речи в суде — на первый план выступает логический, обосновывающий элемент познания, в то время как на этапе собирания и проверки доказательств ведущую роль играет извлечение знаний⁸. Несомненно, что доказывание носит познавательный характер. Это подтверждается и положением ст. 85 УПК РФ, где говорится, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Другие авторы пытаются разграничить познание и доказывание по объему информации, получаемой от этих видов деятельности⁹. Согласно данной точке зрения, доказывание — это одна из форм уголовно-процессуального познания. Последнее включает в себя и другую форму познания, например, оперативно-розыскное познание. Однако представляется, что познание в уголовном судопроизводстве возможно только в форме доказывания. Оперативно-розыскная деятельность же относится не к уголовно-процессуальному познанию, а к бытовому (житейскому) познанию. Оперативно-розыскное познание, предшествуя доказыванию или протекая параллельно с ним, играет вспомогательную, обеспечивающую роль. Непроцессуальные формы познания не содержат столь надежных гарантий достоверности, и потому сведения, полученные из таких источников, всегда рассматриваются как предварительные, ориентирующие. Они не входят в доказательственный материал и не могут служить основанием для юридически значимых решений по делу, за исключением начала производства по делу¹⁰.

Таким образом, нет оснований выделять в уголовно-процессуальном познании кроме доказывания еще и иные формы познания. Доказывание не существует наряду (параллельно) с познани-

ем, доказывание — это и есть познание (установление) обстоятельств, подлежащих доказыванию, которое совершается в особой процессуальной форме. Доказывание — это единственно возможная форма познания в уголовном процессе.

Рассмотрим теперь вопрос о соотношении понятий познания и доказывания в философском аспекте. В философской науке (а именно в гносеологии) традиционно разделяют такие понятия, как «объект познания» и «предмет познания». Если под объектом познания понимается часть объективной действительности, на которую направлена познавательная деятельность субъекта, то предмет познания — это стороны, свойства и отношения объектов, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах¹¹. Основное структурное отличие предмета от объекта познания заключается в том, что в предмет познания входят лишь главные, наиболее существенные (с точки зрения данного исследования) свойства и признаки¹². Поэтому один и тот же объект познания может стать основой для формирования предмета ряда наук, например, человек стал предметом исследования нескольких сотен наук, естественных и социально-гуманитарных¹³.

В науке уголовного процесса также принято различать вышеуказанные категории. Так, В.А. Банин считает, что объектом познания в уголовном процессе выступает событие преступления как факт объективной действительности, явление социальной жизни; предмет доказывания — это определенный «срез» свойств, отношений преступления, познание которых необходимо для решения его задач¹⁴. Объект уголовно-процессуального познания «предстает перед лицами, производящими расследование или рассмотрение дела, в виде цельных частей действительности, во всем множестве их свойств, сторон, связей. В задачу следователя, суда входит выяснение лишь тех сторон и отношений данного объекта, установление которых способствует достижению целей уголовно-го судопроизводства»¹⁵.

Представляется справедливой точка зрения, согласно которой понятие предмета познания имеет объективно-субъективную основу¹⁶. Так, А.С. Барабаш, например, считает, что в отличие от объекта, в предмете познания необходимо видеть не только объективное, но и субъективное. «С одной стороны, при правильном выделении — это часть объекта, и в этом смысле в предмете нет ничего, что не содержит в себе объект. С другой стороны, предмет субъективен, не тождественен, не равнозначен объекту, так как, выделяя его, познающий исходит из своих целей, абстрагируясь

от многого, не представляющего для него интереса в объекте, определяя только существенное»¹⁷. Автор приходит к выводу, что объект познания — это вещь в себе, а предмет познания — вещь для нас. Сходные суждения высказывает философ и методолог Г.П. Щедровицкий, отмечая, что характер предмета познания зависит не только от того, какой объект он отражает, но и от того, зачем этот предмет сформирован, для решения какой задачи. «Задача исследования и объект являются теми двумя факторами, которые определяют (но не детерминистически, а телеологически), как, с помощью каких средств — приемов и способов исследования — будет сформирован необходимый для решения данной задачи предмет»¹⁸.

С учетом сказанного можно утверждать, что объект познания не тождествен предмету познания, последний призван вычленишь в объекте те его свойства и состояния, которые с учетом познавательной потребности субъекта составляют цель этой деятельности.

На основании вышеизложенного следует согласиться со многими учеными, подчеркивающими философско-гносеологическую основу предмета доказывания¹⁹. Опираясь на общие представления о том, что процесс доказывания является частным проявлением познавательной деятельности субъекта в целом, предмет доказывания следует трактовать как особую разновидность предмета познания вообще. Понятие предмета доказывания служит юридическим выражением философского понятия предмета познания, т.к. оно охватывает не любые стороны изучаемого следователем и судом события, а лишь те из них, которые в соответствии с законом имеют правовое значение²⁰. Своеобразие познавательной деятельности в уголовном процессе предопределяет особенности предмета такого познания. Предметом уголовно-процессуального познания являются не единичные факты либо закономерности развития природы и общества, а фактические обстоятельства конкретного дела. Число фактов, подлежащих познанию, ограничено установлением круга существенных обстоятельств дела²¹ (предметом доказывания — ст. 73 УПК РФ).

В литературе, однако, высказаны мнения, что содержание предмета познания шире содержания предмета доказывания²². Так, О.Н. Шекшуева полагает, что в предмет уголовно-процессуального познания следует включать все обстоятельства, характеризующие преступление и подлежащие доказыванию в соответствии с требованиями закона; доказательственные факты; обстоятель-

ства, имеющие значение для определения тактики следствия, розыска виновного, скрывшегося от следствия и суда; обстоятельства, знание которых позволяет следователю в необходимых случаях воздействовать на обвиняемого; обстоятельства, позволяющие обнаружить и оценить доказательства, в частности, сведения, полученные оперативным путем и т. д. В предмет же доказывания, по мнению указанного автора, следует включать ту часть предмета уголовно-процессуального познания, которая подлежит установлению по каждому уголовному делу и отражена в соответствующих нормах закона²³. Согласно вышеуказанной позиции, совокупность обстоятельств, познаваемых по уголовному делу, шире предмета доказывания за счет того, что по уголовному делу необходимо еще познавать: факты — косвенные доказательства; обстоятельства, необходимые для проверки версий; для собирания, проверки и оценки доказательств, а также за счет обстоятельств, которые познаются с помощью оперативно-розыскной деятельности. При этом делается сомнительный вывод о том, что, устанавливая круг обстоятельств, которые должны быть познаны по уголовному делу, закон тем самым запрещает познавать уголовно-процессуальными средствами обстоятельства, прямо не указанные в ст. 73 УПК.

Выделение предмета уголовно-процессуального познания наряду с предметом доказывания обусловлено тем, что О.Н. Шекшуева разграничивает такие понятия, как «уголовно-процессуальное познание» и «доказывание», считая доказывание частью уголовно-процессуального познания. Однако разделение данных понятий, как уже отмечалось ранее, представляется необоснованным: доказывание является единственной формой познания в уголовном процессе. Так, обстоятельства, имеющие значение для тактики следствия, розыска лица, скрывшегося от следствия и суда, вполне могут, например, быть выяснены посредством оперативно-розыскной деятельности и использоваться для наиболее эффективной организации производства следственных и иных процессуальных действий, планирования расследования и т. д. Но сведениями, полученными непроцессуальным путем, не могут устанавливаться обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК. Кроме того, познание непроцессуальных обстоятельств не является уголовно-процессуальным познанием (доказыванием).

В.Д. Арсеньев также полагает, что понятия предмета познания в гносеологии и предмета доказывания в уголовном процессе не совпадают, но подтверждает свою позицию иными аргументами. Так, под предметом доказывания ученый понимает данные о ре-

альных обстоятельствах происшедшего события, на установление которого направлена доказательственная деятельность по уголовному делу, т. е. информацию о них, которой располагают следователь и суд²⁴. С данным утверждением, однако, нельзя согласиться. Согласно принятой в теории трактовке понятия доказательства²⁵, информация или сведения о факте представляют собой содержательную сторону данного понятия, т. е. являются содержанием доказательств. Такой подход смешивает понятие предмета доказывания с комплексом доказательств, собранных по делу, что в свою очередь лишает данное понятие присущей ему объективной основы, смешивает отражаемое и отражение²⁶.

Из вышесказанного следует, что разделять такие понятия, как «предмет уголовно-процессуального познания» и «предмет доказывания», посредством исключения из предмета доказывания обстоятельств, необходимых для принятия промежуточных процессуальных решений (избрание меры пресечения, привлечение лица в качестве обвиняемого и т. д.), неправомерно.

Примечания

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. М.: Юрид. лит., 1973. С. 287.

² См.: Спиркин А.Г. Философия: учебник для вузов. М.: Гардарики, 2000. С. 46.

³ См.: Костенко Р.В. Соотношение уголовно-процессуального познания и уголовно-процессуального доказывания // Уголовный процесс. 2004. № 3. С. 90–91.

⁴ См.: Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976. С. 19.

⁵ См.: Шейфер С.А. Доказывание по уголовному делу как единство практической и мыслительной деятельности // Доказывание по уголовным делам: межвуз. сб. ст. / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1986. С. 16.

⁶ См.: Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 1997. С. 142–143.

⁷ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 291–293.

⁸ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. С. 10–11.

⁹ См.: Левченко О.В. Уголовно-процессуальное познание и его роль в установлении истины по делу // Государство и право. 2003. № 4. С. 68–75.

¹⁰ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 290.

- ¹¹ См.: *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. С. 445.
- ¹² См.: *Новая философская энциклопедия*. М.: Мысль, 2010. С. 654.
- ¹³ См.: Микешина Л.А. *Философия науки*. М.: Флинта, 2005. С. 203.
- ¹⁴ См.: Банин В.А. Проблемы предмета доказывания и истины в советском уголовном процессе // *Доказывание по уголовным делам: межвуз. сб. ст.* / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1986. С. 35.
- ¹⁵ Давлетов А.А. Методологические проблемы теории уголовно-процессуального познания // *Доказывание по уголовным делам: межвуз. сб. ст.* / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1986. С. 11.
- ¹⁶ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. С. 42.
- ¹⁷ Барабаш А.С. Использование понятий «объект» и «предмет» в теории доказывания // *Вопросы уголовного процесса и правовая реформа: межвуз. сб. ст.* / Краснояр. ун-т. Красноярск, 2002. С. 38–46.
- ¹⁸ Щедровицкий Г.П. *Избранные труды*. М., 1995. С. 643.
- ¹⁹ См.: Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 48; Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев: Вища школа, 1984. С. 8; Соловьев А.Б. Проблемные вопросы доказывания, возникающие в процессе расследования преступлений при применении УПК РФ. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 8.
- ²⁰ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. С. 39–40.
- ²¹ См.: Боруленков Ю.П. Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности. Владимир: ВГУ, 2009. С. 64.
- ²² См.: Левченко О.В. Указ. соч.
- ²³ См.: Шекшуева О.Н. Некоторые аспекты теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2001. С. 57.
- ²⁴ См.: Арсеньев В.Д. К вопросу о предмете и объекте доказывания по уголовным делам // *Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам*. Красноярск, 1987. С. 24.
- ²⁵ См.: *Теория доказательств в советском уголовном процессе*. С. 197–200.
- ²⁶ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. С. 42.